

Наедине с вечностью

Что в имени тебе моем?

А. С. Пушкин

Про «вечность» и про «наедине», конечно, сказано громко. Не удержался. А эпиграф? В нем все сказано. Что нам, действительно, в чьем-то имени? Что мы там ищем? И во времени, которое оно украсило или опозорило? В тех обстоятельствах жизни, соприкасаясь с которыми оно создается. Потом сохраняется. Потом передается по памяти. Поэтому все в нем. В этом самом «имени».

Время течет неумолимо. Казалось, что «еще вчера». Ан нет. Уже «давным-давно». Наскоро прохрустели Холодные Закуски, пошатываясь ушли в прошлое разносолы Первого и Второго, и теперь, услышав: «Пива не предлагать!», не обижаемся. И уже мало кто помнит виденное и слышанное. Хотя слова, вылетевшие весело чирикавшими воробьями... теперь все больше напоминают неуклюжих ворон, с карканьем кружащих по памяти. Вот так и бывает, скажешь что-нибудь — и войдешь в историю. Думалось — соловьем, а окажется — вороном или, простите, попугаем. В историю не обязательно государства, но в историю коллектива, в котором тебя и знают, и понимают, и помнят.

Однажды на производственном совещании, не скажу в какой консультации, молодой тогда еще адвокат в пылу полемики бросил старшему товарищу: «Нравственность расцветает тогда, когда молодость увядает». В том смысле, что, мол, у молодости свои правила, не до пустяков нам сейчас, вот постареем, тогда, может, и до нравственности дело дойдет. С кем в запале не бывает. Кто не был глуп, тот не был молод.

Но слова не всем показались безобидными. Их пересказывали, чаще всего осуждающе. А я не видел в этом ничего обидного и предосудительного. У каждого времени свои «понятия», своя изюминка. Не в смысле — в целом, а в смысле акцента. В одном возрасте циклишься на одном, в другом — на

другом. Мудрая седина просто обязана быть снисходительной, иначе она и не мудрая, и не седина, а просто патлы крашенные.

Все проходит. И не бесследно. Постарели, увяли. Дошло дело?

Ну не до всей глубины, а хотя бы до имени, как повода поговорить о ней, наткнувшись. Имя ведь высечено. Высечено из гранита наших пороков и добродетелей, характеров и поступков. Раньше этот гранит казался воском, а сейчас окаменел. И «погоняло» не перехитрить.

Право на имя — важнейшее для человека право. Оно стоит в одном ряду с честью и достоинством.

Право на имущество — в другом ряду. И мы сами выбираем, в какой нам ряд. Из какого ряда ближе нам к священному огню смысла жизни. Где нам лучше, возле Имущества или возле Имени, Чести и Достоинства. В крайнем проявлении вопрос жесток до безобразия. Получается, что если с именем — то обязательно нагишом, а если в шелках — то заплывшая жиром безымянность. Но, как говорил великий писатель, «не доводи до абсурда». Можно попытаться — на двух стульях. Наверное, кому-то это удастся. Но, думаю, это все-таки из разряда везения. Очень уж непохожие эти ряды.

Имя профессионала и имя человека могут не совпадать. Можно быть хорошим в одной ипостаси и неожиданно плохим в другой. Перетягивание имени из одной в другую может сильно позабавить, когда откровенный негодяй из-за своего таланта к ремеслу, профессиональному искусству, вдруг явится миру весь в добродетелях, которых отродясь не имел.

Почему-то без имени — никак. Даже отсутствие имени тоже имя. Это не каламбур. Адвокат ведь частный случай человека. И имя — это имя прежде всего человека, а уже потом — профессионала. Мне так кажется. Нехорошо получится, если в это утверждение закралась ошибка. Когда оно уже состоялось, то фиксирует некую совокупность черт хороших или плохих, а чаще всего и тех и других. И этой совокупностью помогает пробивать дорогу в жизни и профессии.

Или наоборот. Это только кажется, что можно что-то утаить и выдать за другое. На самом деле в имени тайное становится явным значительно быстрее, чем в чем-то другом. И опять по этой же причине — человеческого содержания. Толкущиеся вокруг имени быстро раскусывают скорлупу, и имя либо засверкает долгожданной славой, либо покроет носителя трупными пятнами позора. И это не только про адвоката. Заметим вскользь — про тех, кто поблизости.

Если судья умен, справедлив и честен, то об этом знает вся округа, а его решение будет принято с пониманием, каким бы суровым оно ни было. Как правило. Ибо «понятия» того времени, о котором сказано «Вор — ворует, опер — ловит», тоже не стоят на месте. Но если судья глуп, несправедлив и к тому же запал на мзду, то об этом тоже знает вся округа. В случае с судьями выбора нет, и когда бедолагу ведут территориально ко второму, ему остается только сетовать на судьбу, скрипя зубами на ненавистное имя.

Но люди в черном за свой бренд беспокоятся нешуточно. Когда опускаются сумерки на изваяние женщины из цветного металла, не расстающейся с весами и холодным оружием в любое время суток, можно подслушать сказки о безупречном слугителе уже в «белых» одеждах, бескорыстном страдальце за общественное благо. Внуки верят. А в правду о том, что дедушка с утра до вечера воровал и глумился над людьми, прерываясь только на молитву, они верить не будут. И правильно сделают. Имя надо беречь, даже фальшивое. А история, в которой «живодер на живодере», может не понравиться не только внукам.

А с адвокатами выбор есть. Какой-никакой, но есть. А раз выбор, значит — борьба. И синоним ее «конкуренция» не всегда выдерживает проверку на интеллигентность. Отсюда еще одна грань имени. В борьбе они сверкают ярче.

Имя работает безотказно и иногда отдельно от фамилии. Однако случается, что имя создается целенаправленно и искусственно. Люди, которым хо-

телось бы быть отмеченными, и еще при жизни, встречаются часто. В силу обстоятельств прогрохотавшей жизни и увековечивают себя кто в камнях — пирамидах, кто в статьях — газетах. Кто на коне, а кто просто под лошадь попал. У кого как получится. И в основном по добродетелям.

Подпадающий под дееспособность гражданин не захочет остаться в памяти потомков тем, что в минуты отчаяния и припадков идиотизма вешал на чердаках домов кошек или сколотил состояние на кражах детского питания. Он захочет выглядеть, наоборот, защитником животных и любящим детей. Вот он с фотографий крошит батон голубям. И ему батона не жалко. Вот он возле камина, протянув к углям стареющие ноги, гладит по голове внучку. А если что и просочится мутно, то это или неправда, или случай, от которого никто не застрахован. Вот так.

В вопросе об увековечении все поделилось как бы надвое. С одной стороны — если заслужил, то пусть будет. На коне и с шашкой наголо. С другой — «а нам все равно». Только один деятель, вошедший в историю безостановочным призывом разрушить в курортном Средиземноморье Карфаген-городок, стоит особняком. Он так и говорил: пусть потомки лучше мучаются над вопросом «Почему же такому замечательному человеку не поставили памятника?», чем вопросом «А зачем ему памятник поставили вообще?», сомневаясь в заслугах. Зачем мне памятник, если никто не помнит мои витийства, говорил этот государственный муж.

Сколько здравого смысла и просто того, что называется «по-человечески», он высказал задолго до нашей эры. И неважно, что его совет не был воспринят и памятники «по-средственно» бубенят до сих пор, бренча такой же бижутерией свих талантов. Главное, что он был и что мы его помним. Ведь помним же, хотя памятника нет. То есть он есть, но не из камня, а из теплоты души, рождающейся от соприкосновения с мудростью великого предка. А бубенящих потому так неистребимо много, потому что отбубенят — и уходят в небытие. Толпами. Оставив новым груды щебня. А «государст-

венных мужей» немного, и сам по себе вопрос о причинах отсутствия памятника на «народной тропе» дорогого стоит. Тропа есть, а памятника нет. Неужели непорядок?! Или, может, это именно тот порядок, который должен быть, потому что имя — это память, а не памятник?

Одним словом, право на имя — вопрос святой. Право есть, было и будет.

Наскально-бумажная история человечества — это история не только государств, войн, но и история крушения теорий, идей. Экономических и политических. Всяких. Теории и идеи уходят одна за другой, проделав путь от ереси до предрассудка, и остаются только имена их создателей. Потомки всматриваются в имена, и их мало интересует завиральность когда-то кажущихся глобальными идей-теорий. Потомков интересует человечность (или бесчеловечность) авторов. И имен.

Ну, вот, опять. Как-то лихо получилось «за всех потомков». А может, они и не «всматриваются» и человечностью не интересуются? Демонстрируют безразличие? Проверял — лукавят. И интересуются, и именно этим. Но возникает другой вопрос: какое, собственно, дело потомкам, и особенно современникам, до личной жизни Великих имен по профессии — таланту? Великий был и что-то сделал. Наш удел восторгаться и рукоплескать, а не биться над вопросом, какие у него кошки на душе или тараканы по извилинам. Он разбросал кирпичи, ноты-слова или еще что-нибудь в каком-то особенном порядке (утверждает, что по наводке Всевышнего). Создал. Смотри, слушай, а дальше не тронь! Но чует сердце, что должно быть у человечества право проверить Великого на подлость. Это право не всеобщее и не абсолютное. И касается только тех случаев, когда имя — составляющая часть профессии и через себя связывающее его талант с этим самым человечеством. Поэтому от того, «доброе» оно или наоборот, зависит результат. В этом случае даже любопытство простительно. А у нас-то совсем другое.

Если Великий был недобр, но изобрел колесо, на котором катается весь мир, то человечеству нет никакого дела до характера изобретателя. Что бы он

ни вытворял по ночам, это вопрос терпения соседей и семьи, которые, может, спасались от него морозной ночью в одних рубашках с криком: «Помогите!». А от человечества ему низкий поклон. Каким бы негодяем автор колеса ни оказался, колесо все равно круглое и не станет круглее от факта высокой нравственности изобретателя и от «погоняла», которое ему наклеили спасшиеся морозной ночью.

Возьмем другой случай. Другой талант по словам и нотам. Опять разбросал их как-то особенно в могучее произведение. И запел. Про любовь. Да так красиво, так и тянет подпеть. Подбоченился, ножкой топнул озорно. Чисто сокол. Но если этот сокол-певун в свободное от подмостков время еще, оказывается, и насильник-педофил, то у многих, еще минуту назад готовых слиться с ним в едином хоре, слова застрянут в горле. Если аудиторию специально не подбирать. Здесь имя неотделимо от таланта творца. Задушевность исполнения может не привести к восходам «доброто и вечного» в сердцах недоумевающих слушателей. Без запинки можно оценить только соль-феджио. А если он невзначай начнет всех уму-разуму учить. Любви, опять же. Что тогда? Страшное дело.

Не нужно длинно рассказывать, какими будут результаты учебы в классе бескорыстия от записного жмота. Думаю, что такими же, как от вампира — лектора по полнокровию. А слова были красивые и вышли, безусловно, из-под талантливой руки. С этим проблемы нет. Есть проблема с именем, как препятствием на пути таланта к нашим сердцам.

А если кто разохотится про честь и правду речь толкнуть? Такие слова найдет, что только плакать да креститься. Но вот что-то мешает и все. Не получается контакта. Что же это такое? Ах да, *синяя надпись на запястье проповедника «Не забуду мать родную»*. Ошарашенная паства колеблется принимать чистые и достойные, а может и святые, слова на веру. Не может преодолеть. А тот разошелся, так и сыпет. И все недоумевает, что это меня так невнимательно слушают и все следят за рукой. Он-то уже и забыл про «си-

ний совет» по матери. Давно дело было. Еще на малолетке. В какой экстаз пришла бы паства, если бы он разделся по пояс. Мы узнали бы от «синих» слов много других жизненных наставлений. Весь жизненный опыт несмысла отметился на торсе. Проповедуй на здоровье, если уж так невтерпеж. Может, поверят. Но только «может», ибо налицо препятствие.

Опять же про героизм. Как-то бы здесь потоньше, да поделикатней. Ну, скажем, такую Беркут однажды речь отхорохорил. Звал на бой. За святое дело. Все замерли. Из глаз искры, кулаки сжаты. Вскочили и приготовились. Палец на спусковой крючок... Равнение на середину. Все уже вскипели, но присмотрелись и ахнули: Беркут-то обоссался... И в бой не пошли. Кто же пойдет за таким Беркутом в бой. А речь-то, речь-то какая талантливая! От Цицерона-Беркута только и требовалось... Ему говорили: «Ты, главное, зычно и красиво. Грохочи». Но авторитет зовущего на подвиг не в зычном голосе и правильных словах, а в личных сухих памперсах. Талант старался и почти достиг цели, но погиб, наткнувшись на имя. Как несовпавший с ним. Талант говоруна-громовержца звал в бой, а имя «Беркут обоссавшийся» — памперсы менять. Что-то должно быть одно.

Чуть-чуть повернешь осевую от героев-стервятников, и тут же сучат лапами терьеры — по руководству. Энергии много, ума — мало. Нравственности вообще нисколько. руководи — радуйся. Где впал в раж, там и испортил воздух. Невзирая на имена. Что ему скажешь? Одно слово — «хозяин». Хотя уже давно в ошейнике. Сказать — не поймет, выразиться — нельзя. Вдруг рядом окажутся несовершеннолетние. Можем поранить слух. В конце концов, он же не виноват в том, что при раздаче Господом добродетелей его близости не оказалось. Так и отправился в путь. Руководить «людьми». Подрядные и согласились бы, да ошейник мешает. С таким умом да бешеной энергией и без ошейника — далеко ли до беды. Вдруг не простят. А с ошейником спокойней. Всем.

Трудно бывает согласиться со своим рылом и опять в свой ряд. Все к калачам манит. *Злые шутки может сыграть имя с профессией, частью которой оно является.* И любовь, и добросердечие — от педофила, бескорыстие — от жмота и полнокровие — от вампира, как это говорят наши подзащитные? Да, «не канают». Добиться результата не получится. Имя не даст.

А вот если бы не знали их, то поживали бы себе спокойно. Вроде как все от Бога. Но они как засверкают вдруг, заискрятся и просветлеют сразу, а вокруг синие персты, обоссавшиеся стервятники и вонь несусветная.

«Именная» правда работает беспощадно.

Мы не исключение в «именном» обсуждении. Книжки, газеты. Портреты. Воспоминания. Это в полной мере относится и к автору. Чего вдруг? Да по такой теме? Придется намекнуть. В конце.

Оценивать адвокатские имена тоже непросто. Жизнь не стоит на месте, и, если честно, то по приемам ремесла мало чем мы можем воспользоваться из арсенала знаменитых предков и поблагодарить ловкого профессионала за полученный опыт. Опыт ведь хорош в применении. А если применить нечего? Из приемов ремесла. Что и благодарить не за что? Есть за что. За доброе имя, украшающее профессию. За веру в нее. Без которой... Хочу написать — «невозможно». Но знаю, прозвучит затасканно. Поэтому только подумаю.

Имя человека, который адвокат, интересно именно своими человеческими чертами, а не той ловкостью, с которой он чего-то добивался. Конечно, добивался. И богатым был. Выпивал-закусывал, в карты играл. На извозчике ездил лихо. Но не забывал про порядочность и добросовестность. По наследству (в хорошем обществе) передают не наперсточную ловкость рук, а имя — капитал духовности и нравственности. Благодарным потомкам только и остается взять его и гордиться, с трепетом.

Через имена в сообществе утверждаются стандарты поведения. И если эти стандарты-примитивизм и безнравственность, то для сообщества это плохо. И наоборот.

Я к тому, что в нашем этическом кодексе не случайно записан принцип: «Законность и нравственность выше воли доверителя». Отказ от этого принципа тут же скажется на имени. Поэтому, как правило, открыто этого и не делают. При обнаружении подлога ссылаются на личную тупость, сложность ситуации, тяжелые семейные обстоятельства. Когда приходит время ответа, то виновный наш собрат, переминаясь на комиссии, почитает за лучшее прослыть тупым, чем злокозненным. И это обнадеживает. Хотя есть и другие примеры.

Разные и разноцветные имена ткуются в один обобщенный портрет. Так что каждый в меру своих талантов и стараний привносит. Кто чем может, тот тем и полоснет по общему лицу. Кто бархатом добросердечия, кто бородавочным оскалом.

Если, конечно, признать существование общего портрета. А можно не признавать. Все же субъективно. Тогда и проблемы нет. И только я, любимый самим собой. И самый замечательный. И больше никого. Но, может, как бы случайно, все-таки послушаем общество? О чем оно там с обочины кричит недружелюбно, показывая на нас пальцем.

Когда временной счет обращений, начинающихся словами: «Товарищи судьи!» и «Ваша честь!» идет на десятилетия, все очевиднее становится, что именно тайный и явный отказ от этого этического принципа про «нравственность» приводит к созданию в обществе того карикатурного образа адвоката — «крапивного семени», у которого и совесть продажная, и много чего другого.

Не забуду критиков «Адвоката дьявола» про *«плевок в коллективное адвокатское лицо...»*

Чем возразить? Примерами. Их много. Но общество знает эти примеры и убедительными их не считает и не собирается менять о нас точку зрения. Причем в наших критиках ходят знаменитые, талантливые и, что там гово-

ритель, великие люди. Как забудем их ядовитые слова про нашу профессию, как *«злокачественную язву, убивающую организм общества и государства»*.

Особенности нашей профессии порождают в обществе вопросы вокруг предмета ее и приводят его к выводу о наличии социального конфликта, этой профессией вызванного. Конфликта между нравственностью, как духовным содержанием поведения, и безнравственностью, как поведением без нее. Поведения публичного, причастного к реализации основных человеческих ценностей. Это когда принародно вокруг гарантированного Конституцией права идет азартная торговля. Не мы главные участники этого звонкого веселья, и нам никогда не догнать людей в черном и в лампадах, но все равно спешим, протискиваясь. При разборах полетов почему-то обязательно оказывается, что они в этом лихом деле рискуют своей личной свободой и личным именем, а мы (из-за особенностей) — именем профессии.

Общество не признает право на лицемерие (нагло утверждаю за все общество, об адвокате молчу) в других профессиях, даже у политиков. Оно считает, что и политики, и другие должны быть честными. И если кого уличает в противном, то считает, что он — обманул. И поэтому он нехороший и обманщик. Никого не интересует, почему он это сделал. Из каких побуждений, во имя какого блага. Ему, несчастному, только и остается, что уповать на то, что «история рассудит»; и через сто лет выяснится, что врал он как «сивый мерин» во благо и принес этим бессовестным враньем, за которое его современники клеймили на чем свет стоит, жуткое благодеяние. А в сегодняшней жизни он враль, схваченный за руку, каких мало.

А за нами признают право на лицемерие. И прощают его, мол, такая профессия. Адвокат должен в узком, но значительном месте уголовных судоговорений врать по определению. По мнению общества. И за руку нас никто не хватает. Даже не журят. Это вполне объяснимое положение. Полномочия в других профессиях основаны на обязанности. А наши — на праве. На том самом. Можно представить, что признают и прощают на поверхности, а

внутри какое отношение может быть к профессии, если она сопровождается и выражается в публичном лицемерии. Иными словами, как общество должно относиться к профессии, которой делегировало права обманывать самого себя?.. Вот именно.

Углубимся в историю.

Когда общество создало государство и головы полетели под его топором, оно ужаснулось от содеянного и стало искать фигуру, которая бы успокоила его совесть. Тут и появились мы. Палач, нанятый государством, без устали рубит головы, непрерывно скатывающиеся в телеги, увековечивавшие эпохи именами их владельцев, а рядом — адвокат, который с таким же воодушевлением, но за деньги несчастного, который еще при голове, верещит про несправедливость и беззаконие. И если номер не прошел — значит отрубили тому, кому надо. Общество успокоилось. Волокут следующего, и опять все сначала.

Кто-то же должен взять на себя смелость, вопреки всему, что бушует вокруг, выкрикнуть: «Невиновен!» — и потребовать: «Оправдать!» А публика в зале трижды уверена и в виновности, и в том, что оправдать нельзя. Но при этом она уверена, что и адвокат так же думает, несмотря на свое верещание о беззаконии. То есть он, по мнению общества, тоже уверен и в вине, и в осуждении, а вслух говорит неправду о невиновности и оправдании. Получается — нахально врет. Хотя, может быть, искреннее адвоката нет никого на целом свете.

Столпившиеся вокруг видят, как залихватски адвокат отметаает очевидное для всех и просит такое же, очевидное для всех и невыполнимое ни при каких обстоятельствах. Оценивают искусство, с каким он это сделал. И прощают. Признают право лицемерить на глазах у всех. Общество не спрашивает адвоката, искренен он в речах своих или нет. Ему не надо ответа. Оно уже признало это право. И ждет встречного движения.

Это право тоже нужно заслужить. Оно соткано из тончайшей материи негласного доверия общества к нашей профессии. Доверия, начинающегося с маленького мотылька надежды и сомнения: «А может быть, все-таки не он... а может быть, все-таки не так?». Вот за эту надежду, которую мы дарим, пока люди в черном совещаются: рубить — не рубить, и которая умирает последней, и прощают нам. Это исключительное право, которого нет ни у одной профессии. Сохранить это право можно не искусством ловкого доставания кролика из шляпы, а искусством иметь «доброе имя», несмотря ни на что. Несмотря ни на что — это несмотря на подозрение в лживости слов, публично произносимых.

Сохранить баланс отношений между обществом и адвокатурой можно только в том случае, если общество будет уверено, что мы не злоупотребляем своим исключительным правом и оно по-прежнему является неизбежным по жизни. И полезным. Что без него кормчий может перекосить лодку, как уже бывало не раз. Спросите об этом тех, кто не умел плавать. Помня об этом, общество называет себя гражданским и, показывая на нас, объясняет почему.

Когда эти слова очевидной для общества неправды исходят от «доброе имени», это право существует априори. Но когда эти же слова идут от «имени недоброго», то у общества немедленно вырастает подозрение в цинизме. И попробуйте его разубедить.

Кирзовые дикости, вытворяемые нами также публично и также залихватски, оставляют нам все меньше и меньше шансов это доверие сохранить. Общество, видя наши безобразия, не может не прийти к выводу, что делегированное им право на публичное лицемерие уже есть не одна из внешних форм оказания юридической помощи, а суть содержания ее. Всеобщее и абсолютное. Куда ни кинь, оно есть и есть, а не только в том узком месте судебных разбирательств, без которого не обойтись.

В других профессиях плевков получает тот, кто злоупотребил. Отщепенец-оборотень. В нашей — получает сама профессия, как видите. Как не оп-

равдавшая надежду на разумность использования предоставляемых ей этим правом возможностей.

Не могу даже теоретически представить среди пробегающих по диагонали эти несовершенные рассуждения (если таковые будут) способных увидеть в них призыв к лицемерию. Не занимался и других не учил. Вычислил такое, проникнув из любопытства и тайно ненадолго в «общество», и вынес, получив. Не подумайте плохого. Получив право на аллегория, чем и воспользовался.

Пытались-пытались лучшие умы перестроить мир в наших головах, но так и не преуспели.

Не преуспели в чем? Не получилось привить нам абсолютное желание иметь доброе имя и не иметь плохого. В жизни может случиться всякое, обстоятельства могут сложиться так, что не хватит ни сил, ни возможностей иметь и сохранить. Но желание-то должно быть. Или нам, как атеистам-практикам, как поклонникам физиологического счастья, достаточно будет воспоминаний потомков о том, что их предшественники, как говаривал браваый солдат, «пили и жрали», чем оставляли пахучий след... по окрестностям своего бытия.

Чем хотел увековечить себя адвокат, который раздавал ордера следователям, а в следственных действиях не участвовал, прикрывая отсутствие конституционного права на защиту? Почему ему безразлично свое имя у вернувшегося со звоном в ушах от «Именем Российской Федерации...» узника и у его соседей по камере? Его (а вместе с ним и не только) там наверняка плохими словами называли. Там Чехова и Диккенса нет. Там называли по простому и непечатному. Костерили. А ему вот безразлично и все.

Но имя-то это — наше. И от узников вполне заслуженное. Как бы противно это не выглядело. Фамилию забудут, а имя адвоката-оборотня останется и постепенно, разлившись жижей, станет общим. Начиная со следователя, который эти ордера получил. В душе-то он тоже знает, как произносится имя

этого имярека. И имя это мало отличается от того, каким был наречен тот в тюрьме.

Почему безразличны к своему имени лжепредставители — «специалисты по кучам», перекрывающие фактом своего присутствия доступ к правосудию представителям настоящим? Изначальная публичная очевидность лжепредставительского греха предполагает цинизм как способ принародного нахождения в это время и в этом месте при наличии мнущегося в стороне настоящего. «Кучей» на дороге. Здесь же. Им наплевать на свое имя у тех, кто наблюдал их «кучную» работу, и у тех, кто эти кучи употребил. Пафос работы «по кучам» для них выше каких-то интересов какой-то адвокатуры. За спиной прикрывающего и часто всемогущего ресурса тепло и сытно. Правда, только запах. Ну да это как обычно, по специальности.

Клятвопреступникам, свидетельствующим против своих вчерашних доверителей. И как правило, за небольшие деньги. Что такое 30 сребреников на рубеже эр? Ну и у нас сейчас примерно так же. Сколько гордости за дедушку должны испытывать их внуки! Ведь дедушка — профессиональный предатель. Это нешуточный статус, не каждому по плечу. И денежные одежды с этого плеча будут переданы по наследству. Династия. Закон и традиции будут соблюдены (жизнь показывает).

Про бесквитанционных «воров на доверии» вообще не говорю. Достаточно один раз посмотреть на эти хлопающие ресницы в ответ на предложение «иметь совесть». Он же не скрывает радости, что выучил закон про доказательства по деньгам. «А вот не докажете!» Конечно, не докажем. Но утверждающим о наличии и не надо ничего доказывать. Они ограничатся плевком. А хлопающие ресницы ограничатся утиранием. И с «божьей росой» дальше по жизни. Одним плевком больше, одним меньше, какая разница. Если бы все заканчивалось этими хлопающими ресницами с неутертой слюной, можно было бы и не поднимать бузу. Но они хлопают на нашем общем лице,

а коллективного утирания как-то не получается. Вот это и наводит критиков «Адвоката дьявола» на скорбные для нас мысли.

Шантажисты и фальсификаторы в поношенных милицейских поддевках, перегрызшие цепь в 2002 г., множатся числом неумолимо. Ни имени, ни кличек. День адвоката отмечается 10 ноября. И не дают о себе забыть, слившись с проходимцами местного разлива. Шмыгают то из одной щели, то из другой, продолжая оперативно-розыскной разбой, но уже не всегда тайно. А на виду у изумленной публики, которая только и может, что прошелестеть: «Что вытворяют, с ума сойти!».

Подиум наших «добродетелей» на «коллективное лицо» не пустеет. Совокупившаяся в совокупность денно и ночью эта «бригада» клятвопреступников, воров на доверии, лжепредставителей, шантажистов и прочая и прочая, неустанно трудится над нашим брендом и стандартом, свинцово утяжеляя в обществе имя замечательной и любимой профессии.

Раньше я думал, что обнаружение этих пороков — прокол. Случайно просочились. Но потом понял: они же рекламу создают. Это же голимый маркетинг. Отбивший чечетку лжепредставитель твердо знает, что когда понадобятся «кучи», чтоб перекрыть кому-то что-нибудь, нуждающиеся знают куда идти с нуждой. Эта тропа не зарастет так просто. Она не простая, а золотая. Ее топчут столетиями «подсадные утки» оперативных игр.

Так же как и к кому за ордерком. И кому донос черкнуть. Если кому надо адвокатов для обеих сторон — пожалуйста, только осенятся крестным знаменем и сразу. И у истца и ответчика, которые ни сном ни духом в представителях, для нужного человека будут свои люди, объединенные общей идеей. «Свои люди» согласятся. И еще как! Маркетинг принят на службу в полном объеме.

А вот случай из практики.

Однажды горем убитая мама, подстрекаемая из «темницы» к необдуманному, по-матерински готовая на все, кинулась на помощь. Из «темницы»

одна «малява» за другой — найди свидетелей по алиби (не настоящему). Мать же. Она готова на все. И вот тетка в чужом городе с такой задачей. Надо свидетелей. Город большой, но и тетка с деньгами. Потыкалась по присутственным местам и нашла специалиста по свидетелям. Перед ним поставила задачу, и он ее выполнил. Свидетели пришли. О том, что они «лже», можно было узнать сначала по округлившимся, а затем и по налившимся кровью глазам суда. Надо отдать должное «специалисту». Все были подкованы. Никто за черту, отделяющую балаган от преступления, не перешагнул. Мама ликовала. И о том, что случилась трагедия, узнала только после оглашения приговора.

Но я не о тактике и стратегии. О имени. У специалиста было имя — «специалист по свидетелям». Квалификацию по этой специальности он подтвердил. И потому небезосновательно ждет следующих. Он не только дорожит этим именем. Он его рекламирует. По этому имени его и нашла эта наша тетка. Это его кусок хлеба. С этим именем — «специалист по свидетелям» — он и войдет в историю российской адвокатуры и других затащит и опыт свой детям передаст. Смене. Приемы тоже со временем пооботрутятся и устареют. Но он передаст имя. Имя специалиста. В надежде, что смена будет гордо нести это имя. Как флаг.

Думаю, что было бы, если бы завтра этот «специалист» привел бы в этот же суд по другому делу настоящих свидетелей, подтверждающих настоящее алиби. Как бы к этому, помня вчерашнее, отнесся суд? Отказался бы принять доказательства из грязных еще накануне рук. И на чьей бы совести была бы загубленная невинная жизнь?

Ну и какое здесь право на публичное лицемерие? Что общество здесь должно прощать и понимать, входить в положение нашей профессии. Оно и не понимает и оценивает это как «язву». Не так все просто с именем. И не так все безобидно.

Наша профессия слишком заметна и публична, и отсидеться в стороне от общественного внимания не получится. Можно, конечно, сделать вид и отмахнуться, что, собственно, и делаем. Но это положения не меняет. При желании можно сделать что угодно, и мы тоже можем сказать потомкам, что это не мы и что это не наше рыло. Или не совсем мы, или рыло не совсем наше. И, одаренно оседлав юридического Пегаса, зашуршим инструкциями, выбивая искры прописных истин... Делая вид. Успехов — делаем его! Он же давно для внутреннего употребления.

Любое сообщество будет отыскивать своих временно забытых «святых» и отмываться от, во многих случаях, неизбежной грязи. Отцы-основатели от «Именем Российской Федерации...» придумывают свою историю, без устали посыпая ее сахаром, и, оказывается, утвердились не через то, что правосудие при них перестало им быть, а вовсе как нюрнбергские разоблачители. Да и сейчас они чуть что — сразу в Закон, на людях по нему «ни ногой», а только бережно поглаживают. И крови на локтях уже вроде как и нет. И вовсе не они штамповали бесстыжие бумаги, до блеска вылизывая сапоги культа очередного таракана. Дорожат брендом. Каким брендом? Прости господи, вид делают. Кроме «вида» ни тогда, ни сейчас. Как не было, так и нет. Но есть огромное желание иметь вид приличный, историю незапятнанную, походку степенную (даже если на побегушках — хозяева положения любят, чтобы им все делали быстро). На их Парнасе и шуршание более солидное. Но что с того? Намерение иметь что-нибудь, а хоть бы и доброе имя, не всегда сопровождается аплодисментами.

А у нас вроде в этом вопросе все наоборот. Они приобретают, мы освобождаемся. Может, «доброе имя» — это преходящая категория в межличностных отношениях? Жили же без него в каменном веке. Кто дальше и метче кинет камень, тот и прав. Поэтому, может, наши толпы безразличных к имени на самом деле никакие не плохие, а просто опередившие свое время? Они пионеры будущего, в которое некоторые замешкались на входе? Они освободились от предрассудков? И без помех приступили? Освобождение от «пред-

рассудков» обычно сопровождается потерей человеческого облика. Но тут уж ничего не поделаешь.

Но заглядывать в зеркало, невзирая на поговорку про изображения Рожи (жанр позволяет), разглаживая ушедшее и лоснясь о будущем, при всем при том дело небесполезное. И что там в зеркале сегодня показывают в средоточии скучившихся лиц. По-разному сверкают имена. Такое можно увидеть.

Однажды, не так давно, случилась с одним адвокатом беда. Даже не с адвокатом. С шубой. Что-то не подошло, а выяснилось позже. В общем, возникли напряжения между адвокатом (покупателем) и магазином (продавцом). Невзирая на поговорку, что «Сапожник всегда без сапог», адвокат, призвав на помощь теорию и практику, пошел в суд. Бился насмерть. Был задействован весь арсенал полномочий. Когда безнадежность перспективы стала очевидной не только для суда, адвокат грубо перешел на личности. Из-за них-то Палата все и узнала.

Потерявший терпение суд вспомнил про мораль и этику и вынес «частник» о том, что негоже адвокату публично впадать в истерику из-за рубля. Своего. Некрасиво это. Не «по-человечески». Но комиссия, видя неподдельное горе шубного страдальца, пожалела его. В комиссии тоже люди. А я сидел, слушал и вспоминал.

У другого адвоката под колесами трактора, переходя дорогу, погибла малолетняя единственная дочь. Адвокат, будучи потерпевшим и понимая (как адвокат), что у водителя не было технической возможности предотвратить наезд, просил водителя оправдать.

Не важно, как поступил суд, важно, как поступил адвокат. Он не стал искать лжесвидетелей, спорить со схемой и делать много того, что делают и будут делать иные. Он был нравственный человек, казнил не тракториста, а себя за то, что не научил дочь переходить дорогу. И личное, ни с чем не сравнимое горе не помешало ему оставаться таким. Он не мог личным горем прикрыть свою «волю доверителя».

Вот такие два случая. Не хочу ничего ни сравнивать, ни противопоставлять. Но есть что-то внутри нас такое, что заставляет выбирать не только дороги, по которым идем, но и походку. По правильной дороге должно идти достойно. А как это? Оказалось, что вопрос. Камень на сердце и камень за пазухой невыносимо разные. Хотя оба камни.

Вроде и дорога правильная, и идем давно, а вот в походке что-то не то. Какие-то ягодичные вихляния, припрыжки, подскоки. Вроде как кто-то «рванул» баян на последнем траурном пути. Там, в натуре, и побить могут. А в жизни разглядеть «рванувшего баян» не всегда и не всем удается. В смысле нашим. Стоящему на обочине обществу понятно все давно. Откуда бы тогда Чехов с Диккенсом да с компанией других моралистов в своей беспощадности?

Да и мы этим занимаемся. Имя адвоката — это не только имя для доверителя. Среди своих его тоже надо же поддерживать. Реноме. В корпорации «кто гусь, а кто свинья» распознают быстро (пока еще). Мотивация адвокатского поведения своим еще как важна. Важно же внутри корпорации знать, способен ли сидящий рядом на скамейке защитников коллега на подлость или только обстоятельства мешают ему ее совершить. А может, он не подличает из страха наказания и как только преодолеет страх, так сразу и начнет? Сиди и жди. И дело не только в том, что с неподлецом приятнее сидеть. Вычисленный государством подлец, оскверняя собой присутственное место, мешает общему делу. Вдруг не всем удастся подчеркнуть свои дарования на этом выигрышном фоне. Тогда всех ждет общая беда. И подлое имя сыграет злую шутку со всеми оказавшимися рядом.

Суд тоже человек. Вдруг он не захочет взять из грязных суетливых рук правильное (в этот раз) доказательство или дослушать до конца правильный (тоже в этот раз) аргумент. У прошлых грехов длинные тени, и они густо падают на бережно вытканную в столетия адвокатскими аксакалами тончайшую материю покровы тайны неписаного права на публичное лицемерие. По-

этому доброе имя — это часть профессии, сутью которой является что-то и кому-то рассказывать и убеждать.

Слушатели и с той «стороны», и те, что «посередине», должны верить ему, уважать и в конечном итоге разделить уже наконец точку зрения. Пусть со злостчастной поправкой на неписаное наше публичное право. Признают его и может... в чем-то и как-то... Ну вы меня понимаете. Имя должно работать. Это «капитал» действия, даже если его обладатель в этот момент на диване валяется.

У необученных на людей каких-то служителей каких-то других муз тоже могут быть личностные проблемы. Глумление над нравственностью иногда может быть и частью профессии. И совершенно безнаказанно. И «погоняло» будет соответствующим. Но их проблемы — это их проблемы. Государство за них ничего не обещало. То есть оно обещало зрелище. А каким оно будет, это уж как получится. И в отношениях с ними каждый делает свой выбор самостоятельно.

С адвокатами не так.

Государство гарантировало людям право на «квалифицированную юридическую помощь». Мы записали принцип: «Закон и нравственность выше воли доверителя». *А потому «доброе имя» адвоката, в самом широком, общечеловеческом смысле этого слова — это не право, а обязанность.*

До тех пор, пока окончательно не стало для нас безразличным. Пока. Пока порядочность измеряется не деньгами, а чем-то другим. Например, желанием пожать руку.

Но все эти страдания вокруг имени, возможно, скоро отпадут. С введением бизнес-адвокатуры. Не в том смысле, чтобы адвокатура оказывала адвокатские услуги бизнесу, а в том, что она сама стала бизнесом. Разместилась внутри уставного капитала акционерного общества. Открыла свой ларек. И стала получать выгоду. Дивиденды. А не гонорар, как сейчас. Когда произойдет объединение неотделимого от личности адвоката капитала — «добро-

го имени» с составляющими его «законностью и нравственностью» с капиталом финансовым. Равновесие денег и «доброе имя» не может продолжаться долго. Результат работы коммерческой организации оценивается экономическими показателями, а не какими-то иными. Поэтому то, что мы записали в этическом кодексе, нужно будет забыть.

В отношениях внутри бизнеса значение имеет не «доброе имя», а доход. Как экономическая категория. Не будешь же «доходу» пожимать руку. Доходу можно только удивляться и завидовать, истребляя в себе все, что мешает состязаться, догнать и перегнать. Это касается не только внутрикорпоративных отношений. Куда идти клиенту? Туда, где больший доход, как признак успеха. По котировкам. След в след. Не к бессребреникам же, бедолагам. Поплакаться и посочувствовать.

Имя булькнувшего на дно уставного котла авторитета будет интересовать только археологов. Пожелаем им успеха. Но кто-то булькнет в этот котел первым. Это будут, я думаю, наши закалившиеся на подиуме «пионеры». С понятной целью забыть о своем позорном имени, чтобы, вынырнув из жижи и «омолодившись», показать миру, зачем «бабушке такие большие зубы». Клацнув на непонимающих.

И зубы, как аксессуар, заметьте, тоже постепенно будут нашими. И встречать нас, как по «одежке», будут по зубам. У кого-то они золотые или платиновые. На имплантатах. У кого-то гнилые и кривые. Или вообще вставные. Суть не меняется. Зубы для того, чтобы кусать. Иначе — только на полку. Где, как говорил поэт, местам одна цена — сплошь плацкартные. Не все на это добровольно согласятся. Но выбирать придется. Кто с зубами, тот и с мясом. А там, глядишь, и шерстью пообразем. С зубами да в шерсти — прямой путь к ошейнику. Не «строгому» и не обязательно «зеленому», но суть одна. Его надевают на шею. Со всеми вытекающими из этого факта последствиями. Ошейник гарантирует регулярность питания, но вместе с тем передает и проблемы финансового хозяина. Через поводок. И государству мы

можем перестать нравиться одновременно с хозяином. Тоже со всеми вытекающими.

Вся обозримая история российской адвокатуры — это история о том, как «административный ресурс» пытался адвокатуру подмять. Не уничтожить, а именно подмять. Не лыком шитые предшественники оставили нам память о том, как они этого не допустили. Их добросовестные ученики и последователи с честью продолжили.

С финансами вопрос многократно сложнее. Финансы. С этим ресурсом не забудешь про то, как бодался теленок с дубом. У государства не получилось приручить нас, но из финансовой заманухи, похоже, не выпрыгнуть. Хотя попытаться можно. И даже должно.

Что бы ни случилось, общество никогда не лишит нас нашего исключительного права. Кто же тогда будет успокаивать его совесть, растревоженную вопросами, ту ли голову отрубили? Поэтому здесь каких-либо осложнений не предвидится. Мы необходимы даже в ошейнике. Но только что-то здесь не так. Когда мы, созданные для успокоения совести общества, верещим о беззаконии при отрубании голов, то делаем это хотя и за деньги, но во имя общественного интереса.

Когда же мы твякнем на это же зрелище с коммерческой целью получения своей прибыли, то отношение к этому будет иное. Внешне эти действия выглядят одинаково, но очевидная для всех мотивация переводит ситуацию в другую систему оценки нашего труда.

Для общества совершенно очевидно, что в новом, с иголочки, финансовом ошейнике мы пришли к этому месту не для общественного служения, и приводит нас не обостренное чувство справедливости (хотя бы и за деньги-гонорары), а привела нас сюда жажда наживы. И относиться к нам общество будет так же, как и к нашему новому финансовому хозяину (якобы партнеру), веками сгорающему от этой жажды. Сказать вслух, как оно к нему относится?.. Вот и я думаю, что не надо.

Или у вас другое мнение?

Нас ждут внутрисемейные разборки, и они будут похлеще гипотетических разборок с государством. Пока оно сообразит про «зубы». Свои откусят все, что надо. Быстро и жестко. И про имя не вспомнят. Те, которые будут откусывать, живут в другом мире, в котором потерять имя — не вопрос. Главное — не потерять деньги. Это для того, у кого будут откусывать, потеря имени и, как следствие, приобретение клички — трагедия. Но что о них. Главное, чтобы не откусили лишку.

На этом можно и завершить песню об имени, смирившись с неслучайной кличкой. С тревогой ожидая наступления времен, в которых от безымянного акционерного хозяина уставного капитала, поглаживающего наш (ваш, их, боже, неужели мой?) перебинтованный загривок, услышим: «Хороший, Шарик. Хороший».

Засим ваш

Н. Изюров, адвокат, г. Екатеринбург,

byro.inko@yandex.ru